

Природная образность в эрзянской женской лирике

С. В. Шеянова

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
sheyanovas@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена изучению поэтики природного кода современной эрзянской женской лирики. Предметом исследования является комплекс флористических и фаунистических образов в женском поэтическом дискурсе, их семантико-структурные особенности, эстетические функции.

Цель: выявить репрезентированные в произведениях эрзянских поэтов природные образы-символы, раскрыть их функционально-семантические особенности.

Материалы исследования: стихотворения Л. Рябовой, А. Подгорновой, М. Слугиной, Т. Мокшановой.

Результаты и научная новизна. В результате проведённого исследования приходим к заключению о том, что в эстетической системе эрзянской женской лирики представлены различные природные образы – флористические (деревья, цветы), фаунистические (анималистические, орнитологические, инсектные), которые наделяются оригинальной метафорической семантикой, символической значимостью, соотносятся с национальной и мировой фольклорно-мифологической традицией, позволяют имплицитно мироощущение, эмоционально-психологическое состояние лирической героини, конкретизировать пространственно-временные маркеры, раскрыть авторскую индивидуально-творческую концепцию и ценностные предпочтения, подводят к осмыслению сложных онтологических, экзистенциальных, аксиологических категорий, проблем этнического и экологического содержания. Научная новизна статьи определяется тем, что эрзянская женская лирика в аспекте природно-пейзажной образности впервые становится объектом научной рефлексии, большая часть произведений впервые вводится в контекст финно-угорского литературоведения.

Ключевые слова: современная эрзянская поэзия, женская лирика, природная образность, природно-пейзажный код, лирическая героиня, образ-символ

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00098, <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

Для цитирования: Шеянова С. В. Природная образность в эрзянской женской лирике // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 1 (56). С. 128–136.

Natural imagery in Erzya women's lyrics

S. V. Sheyanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sheyanovas@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the study of the poetics of the natural code of modern Erzya women's lyrics. The subject of the study is a complex of floristic and faunal images in women's poetic discourse, their semantic and structural features, and aesthetic functions.

Objective: to identify the natural symbolic images represented in the works of the Erzya poets; to reveal their functional and semantic features.

Research materials: poems by L. Ryabova, A. Podgornova, M. Slugina, T. Mokshanova.

Results and novelty of the research: as a result of the study, we come to the conclusion that in the aesthetic system of the Erzya women's lyrics, various natural images are presented – floristic (trees, flowers), faunistic (animalistic, ornithological, insectic), which are endowed with original metaphorical semantics, symbolic significance. They correlate with the national and world folklore and mythological tradition, allow to implicate the worldview, emotional and psychological state of a lyrical heroine, concretize spatial and temporal markers, reveal the author's individual creative concept and value preferences. They lead to the understanding of complex ontological, existential, axiological categories, problems of ethnic and ecological content. The scientific novelty of the article is determined by the fact that Erzya women's lyrics in the aspect of natural landscape imagery for the first time becomes the object of scientific reflection. Most of the works are introduced into the context of Finno-Ugric literary studies for the first time.

Key words: modern Erzya poetry, women's lyrics, natural imagery, natural landscape code, lyrical heroine, symbolic image

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00098, <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

For citation: Sheyanova S. V. Natural imagery in Erzya women's lyrics // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2024; 14 (1/56): 128–136.

Введение

В современном финно-угорском литературоведении изучение национально-эстетического своеобразия поэтического дискурса, комплексный анализ мотивно-образного кода лирики отдельных авторов, специфики их индивидуально-творческой концепции, форм, средств, приёмов отражения взаимодействия мира и лирического «я» признаются продуктивными, представляют активно реализуемую исследовательскую стратегию, о чём свидетельствуют работы ряда отечественных учёных [1; 6; 8; 9; 10; 12; 22]. Между тем остро реагирующее на внешние проявления лирическое сознание сложно поддаётся формальному описанию, поскольку представляет собой синтез разнообразных амбивалентных состояний, интенций, вариантов мировосприятия, форм самопозиционирования, моделей репрезентации действительности и внутреннего мира человека, что вызывает необходимость разноаспектного исследования национальной поэзии, определения творческой стратегии мастеров слова, анализа мотивного и образного кластера их произведений.

Одними из самых востребованных на всём протяжении развития художественной словесности являются природные образы, «через которые национальная специфика литературы проявляется особенно чётко» [23, 3]. В учении сторонника космологической концепции Г. Д. Гачева в художественном мире природа интерпретируется как метаобраз, посредством которого раскрывается онтологический смысл человеческой жизни и сокровенной мысли [5]. Приверженцы мифологического подхода восприятие природы субъектом творчества называют «архетипическим и мифологическим процессом познания мира и человека в целом» [2, 324]. Исследователь Д. А. Богач акцентирует значимость аксиологического подхода, который «позволяет рассмотреть образ природы как продукт мировоззрения, анализировать восприятие природы как жизненный опыт автора или его героя» [3, 26], манифестирует мысль о том, что «диалог человека с природой в мире

художественного произведения», раскрываются «сущность персонажа и его нравственно-ценностные ориентиры» [3, 26].

В настоящее время необходим поиск новых научных подходов, междисциплинарных практик в анализе природы и её роли в художественном пространстве, поскольку она – не только художественный образ, а особая модель авторской мирореальности и его ценностной сферы. В процессе исследования природной образности в литературном произведении не только как средства раскрытия психологического состояния персонажа, но и инструмента нравственной оценки человека и мира, решения сложных мировоззренческих вопросов, весьма полезно, на наш взгляд, осмысление аналитического опыта отечественных [3; 19; 20; 21; 23], а также зарубежных [24; 25; 26; 27; 28] учёных.

Актуальность предпринятого нами исследования обусловлена необходимостью выявления природных образов в лирических текстах современных эрзянских поэтесс, раскрытия семантико-функциональной специфики репрезентированных ими фаунистических и флористических образов. Комплексный анализ образов природы в лирике авторов-женщин позволит восполнить пробел в изучении национального поэтического дискурса: определить стратегию и направления развития женской поэзии начала XXI в., оценить творческое мастерство наиболее активных авторов, воспринять поэтологические особенности конкретных текстов. Актуализация ряда сопутствующих исследовательских проблем (постмодернизм в национальной литературе, идиостиль молодых авторов, соотношение индивидуально-авторского начала и мифологической традиции, возможности символической образности) свидетельствует о теоретической значимости статьи в контексте финно-угорского литературоведения.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили поэтические тексты Л. Рябовой (сборник «Кие тон?» / «Кто ты?»), А. Подгорновой («Марьяга» / «Вслух», «Кроме рифм», «Мель» /

«Мысль»), М. Слугиной («Тюст» / «Оттенки»), Т. Мокшановой («Оймамо тарка» / «Пристанище»).

В работе использованы традиционные методы литературоведческого анализа: структурно-семантический, историко-функциональный, метод описательной поэтики, а также интерпретационный и аксиологический подходы.

Результаты

Одними из традиционных компонентов поэтической образной системы являются флористические и фаунистические образы, отражающие реалии национальной природной среды, мифологические представления и ментальные константы этноса, отличающиеся оригинальной кодированной знаковостью, уникальной индивидуально-авторской символической семантизацией. В эрзянской женской лирике природно-пейзажный код является одним из доминирующих, поскольку «многогранная природа оказывается созвучной чувствам, эмоциям, настроениям лирических героинь, «соответствует» их непредсказуемости, таинственности, сентиментальности» [1, 207].

Среди флористических символов в творческих образцах эрзянских поэтов мы обнаружили образы берёзы, сосны, орешника, ясеня, осины, яблони, малины, черёмухи, обусловленные авторскими эстетическими предпочтениями, наделяемые символической-экзистенциальной и мифологической знаковостью – подводящие к осмыслению сложности, необратимости, бренности человеческого бытия, соотносимые с архаическими представлениями эрзян. Образ яблони – один из традиционных образов-символов в мордовской литературе, отличающийся устойчивой семантизацией, что обусловлено народным восприятием яблони как «символа женственности, красоты, гармонии земли и неба, ...равновесия мира» [7, 190]. В произведениях М. Слугиной этот образ способствует воссозданию деревенского хронотопа, идиллической картины естественной среды, отражает мироощущение лирической героини, не отягощённой негативным жизненным опытом, эмоционально не опустошённой, не имеющей поводов для тяжёлых умозаключений. Символический код «яблоня» обладает положительным аксиологическим зарядом, вызывает позитивные коннотации жизнелюбия,

возрождения, благополучия. Дерево наделяется оригинальными гендерными сравнениями – воспринимается то невестой, то женихом: «*Парсей пацясот умарьчувотне – / Мазый одирвакс оршазь аштить*» 'В парчовых платках стоят яблони – / Нарядные, словно красивые невесты' [17, 36]!; «*Умарьчувотсь, прок сюнав алууж, / Кона поланстэнь казне канды*» 'Яблоня, словно богатый жених, / Который преподносит любимой подарки' [17, 51]. При обрисовке женского варианта образа акцентируются детали внешности и одежды, мужской образ передан посредством внутренних достоинств – щедрости, заботы о любимой.

В системе поэтических ассоциаций эрзянских поэтов берёза соотносится с её восприятием в национальной культуре как «образа девичества, плодородия, женского начала, нежности, стройности» [4, 63]. В стихотворении Т. Мокшановой «Килей ялгам» («Берёза-подружка») дерево наделяется антропоморфной ипостасью – предстаёт подругой лирической героини, «красивой эрзяночкой». Наделённая многогранными внутренними качествами (добротой, отзывчивостью, благородством) берёза способствует формированию аксиологической сферы героини, её нравственных качеств. Поэт передаёт внешние «сезонные» состояния дерева: летом «белоствольную стройную, тонкую станом берёзу мягко, любя омывает дождь» '*Ашо, виде, чова рунгонть сонзэ / Чевтьстэ ды вечкезь пиземесь или*', «осень окрашивает её листья золотом» '*Лопанзо арты сырнесэ сексесь*', «зима одевает густым инеем – она невестой улыбается нам» '*Телесь оршасы тусто лекисэ – Сон одирвакс мизолды тенек*', «весной она плачет, о чём-то переживает» '*Сельведнензэ тунда: петерь-петерь, / Мезде-бути мелявты сон вельть*' [11, 23]. Берёза способна не только на коммуникацию (приветствует героиню, реагирует на её обращение), она транслирует положительные эмоции, радуется, вдохновляет («*мелем кепететь менель алов*» 'настроение поднялось до неба', «*мизолкс марто ушодья чинть*» 'с улыбкой начинаю день' [11, 23]).

В стихотворении Т. Мокшановой «Пизёлксось каштансто яла токши вальмам...» («Рябина горделиво прикасается к моему окну») образ рябины наделяется традиционной романтико-сентиментальной семантикой – посредством него имплицитно драматизм

¹ Перевод здесь и далее подстрочный. Выполнен – С. Ш.

любовных переживаний героини, необратимость распада отношений: «*Коморозон, лед-стявьсь, / Пизёлцоуцька пумынь... / Вечкеманок менстявьсь – / Питикст седейган ютыть*» 'В ладонь, помнится, / Положила гроздь рябины... / Любовь потеряли – / Заколело в сердце' [11, 64]. Структурообразующая оппозиция любовь / боль не только моделирует взаимоотношения героини и её возлюбленного, но и позволяет эксплицировать экзистенциальную мысль о неизбежности перемежения этих амбивалентных проявлений самого сильного человеческого чувства.

Образ сосны, в мордовском фольклоре «передающий идею вечной жизни» [4, 62], в стихотворении М. Слугиной «Ардан певтеме киланга...» («Еду по бескрайней дороге...») произвольно трансформируется в универсальный архетипический символ (Мировое дерево), воспринимается космологической моделью мироздания, отражающей структуру окружающего мира, единство неба (крона) и земли (корни): «*Вана лелят – сэрей пичеть – / Менелентень венстизь рунгост, / Тёкшост ашо пельтнень ичить, / Ундокост модантень кундасть*» 'Вот братья – высокие сосны – / К небу вытянули руки, / Макушками белые облака месят, / Корнями в землю вросли' [17, 47]. Обращение поэта к раскрытию мотива гармоничной взаимосвязи человека и природы посредством образа дерева, модифицированного в образ Мирового древа, свидетельствует о живучести мотивов и сюжетов архетипической структуры в женском поэтическом дискурсе.

В произведениях эрзянских поэтов образы деревьев способствуют передаче психологически интенсифицированных индивидуализированных эмоций, соотносятся с архетипическими представлениями этноса. Вместе с тем следует говорить о внимании авторов к глобальной экологической и взаимосвязанной с ней этической проблематике, экспликации апокалиптического тезиса о невозможности сосуществования цивилизации и естественной среды вследствие мировоззренческой деградации человека. Свидетельством является послание М. Слугиной «Тавлань керсицятненень» («Тем, кто вырубает Тавлу») [17, 90], в первых строках которого визуализируется гармоничная картина первозданной природы – древнего леса, издающей цветочный запах липы. Однако она колонизируется человеком: жизнь векового леса нарушают «жители Тавлы», которые

срубили взмолившееся перед ними дерево. Описанная картина обнажает насущную проблему – при потребительском подходе к природе возникает экологический апокалипсис, поскольку вырубка деревьев нарушает природный баланс, приводит к деформации живой среды. Поэт не может принять разрушительную действительность, агрессивную экспансию природы, ведущую к самоуничтожению, она борется с «хозяевами жизни» своим поэтическим оружием – острой иронией.

Деревья часто объединяются в образ леса, который воспринимается сакральной средой, генетически взаимосвязанной с этносом. Такая интерпретация символа соотносится с мифологическими представлениями древней мордвы о лесе, сформированными под влиянием вполне объективных факторов: «Он был основным местом для трудовой деятельности и отдыха, условием выживания и убежищем от притеснений, источником достатка и важным фактором осознания культурной и национальной идентичности» [18, 77]. В стихотворении А. Подгорновой «Зярс эзь синдеве якшамось лембентень...» («Пока тепло не сломило холод...») лирическая героиня в соответствии с языческими традициями приветствует покровительницу леса Виряву: «*Шумбрат, Вирява! Пек мазый кудот! / А содан, кецят инжентень, а кецят, / Илямак пане, мерть кортнемс мартот*» 'Здравствуй, Вирява! Очень красивый твой дом! / Не знаю, рада ты гостю или нет, / Не прогоняй меня, позволь поговорить с тобой' [13, 28]. Она рассказывает богине о жизни «безразличного» города, изнуряющем «тяжёлом воздухе», возможности только в лесу «подумать вслух». Авторское представление о значимости леса в жизни эрзян, созвучное с этническим его восприятием, отражено в финальных строках: «*Арась, эрзясь а эряви виртеме: / Килеень ведь потсонок, аволь верь!*» 'Нет, не проживёт эрзянин без леса: / В жилах у нас течёт не кровь, а берёзовая вода' [13, 29].

Эрзянские поэты часто обращаются к образам цветов, которые наделяются амбивалентной метафорической семантикой (выступают символами судьбы, любви, надежды, вдохновения или тоски, горечи, потери), отражают традиционное мировосприятие народа, подводят к осмыслению экзистенциальных понятий и категорий. В стихотворении Л. Рябовой «Ялганень» («Другу») [16, 56] обыгрывается языческий обряд – спускание в реку венка, согласно

которому, если он не утонет, принесёт девушке счастье в браке. В гендерно-поэтическом мире автора плывущий по волнам «красивый веночек из синих цветов» воспринимается архетипическим символом женского счастья, а образ «семи рек», в индуизме символизирующий семь великих сил Сознания, привносит в текст мотив бесконечности человеческого сознания. В стихотворении «Сакшнынек тонеть, сакшнынек варштамо...» («Приходили к тебе, приходили навестить...») посредством «красивых осенних цветов», принесённых лирической героиней на могилу ушедшего друга, передаётся боль невозможной утраты, грусть, потеряность. Вопрос о том, увидел ли он её, рождает глубокие размышления эсхатологического содержания о бренности физического тела, вечности души, взаимосвязи мира мёртвых и живых, определённым символом которой является бабочка, «летающая вокруг цветов» («*цецятнень перька нимияв чарась*» [16, 57]), что придаёт кладбищенской сцене мистический подтекст. Образ бабочки является мифологическим концептом, в конкретном поэтическом контексте она отождествляется с бессмертной человеческой душой. В данном произведении наблюдается оригинальная архитектурная модель: эмоции лирической героини перерастают в размышления о жизненных ценностях, которые «закрепляются» мистическими проявлениями.

Образы животных в лирических текстах авторов-женщин не являются доминирующими, но наделяются оригинальной символической знаковостью. В стихотворении Л. Рябовой «Талай сексь. Якшамо. Чилисема...» («Поздняя осень. Холодно. Восход...») образ белой лошади становится символом творческого вдохновения. Лирическая героиня томится в неведении, что он принесёт ей – «Золотую нить – ткать красивые холсты? Серебряную нить – украшать холсты? Соловьиный голос – песней говорить?» «*Сырнень суре – мазый коцтонь кодамс? / Сиянь цeko – мазый коцтонь артомс? Норовжорчонь вайгель – моразь кортамс?*» [16, 65], но он оставил ей, поэту, «белую бумагу» и «рифму». На примере данного произведения можно проследить трансформацию интерпретации образа лошади (коня), обусловленную сменой историко-культурных эпох. В народной песне-сказке «Соколт-ракшат» («Сокол и конь») он символизирует развитие общественной фармации (переход древней мордвы

от охоты к земледелию), а в художественном мире Л. Рябовой актуализируются значимые для автора идеи, естественно, имеющие отношение к стихотворчеству.

В стихотворении А. Подгорновой «Сновидение» анималистические образы воссозданы посредством сна героини, что объясняет сюрреалистичность ситуации – «собака бежит за тигром» [13, 41]. Поэт разрушает традиционную семантику образа собаки как символа верности, преданности, что обусловлено спецификой её постмодернистского образного мышления, но сохраняет символический аналог тигра, в мировой культуре наделяемого множеством амбивалентных коннотаций. В анализируемом тексте он олицетворяет как физическую мощь, природную разрушительную силу, жестокость («Тигр, как танк полосатый, / Воздух хвостом руша», «Тигр – он хищник, / Порой и он убегает, / Но души берёт с собою, / И жизни берёт с собой» [13, 41]), так и мудрость («Знает мудрость бега и боя»), способность возрождаться («Дышал – вылетала душа: / Одна, вторая и третья, / Сколько – не разберёшь...» [13, 41]). Смоделированный во сне сценарий доминирования собаки над тигром разрушается позитивной коннотацией зверя как олицетворения силы, бесстрашия, благородства («Тигр трофеем собаки / Не будет даже во снах» [13, 41]).

Среди орнитологических образов в произведениях эрзянских поэтов чаще всего встречаются образы лебедя, вороны, соловья, совы, жаворонка, ласточки, обобщённый образ птицы, имплицитно соотносимые с мировыми культурными концептами, мифологическими представлениями эрзян, при этом получающие индивидуально-авторскую семантизацию. В мифофольклорном сознании мордвы лебедь воспринимается прародительницей птиц («Ине нармунь»), из её яиц вылупились кукушка, жаворонок, соловей. Художественная реконструкция лебедя в произведениях современных авторов обусловлена, на наш взгляд, не только экспрессивными возможностями архетипического символа, но и генетической культурной памятью. В первой строфе стихотворения М. Слугиной «Боризвеле» («Село Борисово») образ «черноклювого лебедя в клетке» задан как сравнение с окованной «железным забором белокаменной сельской церкви», однако трансформируется в сложный символ, связывается с темой бессмертия души.

В строках «Снартни певтемечинтень ваямо, – / Келемтинзе парсеень сёлмонзо. / Ансяк мекс истя капши ливтямо? / Натъ, содасы менельсэ кудонзо» ‘Стремится в бесконечности утопиться. – / Раскрыла парчовые крылья. Только почему торопится улететь? / Видимо, дом на небе’ [17, 14] возникает мифологическая аналогия (полёт лебедя – полёт человеческой души в вечность), усиливающая экзистенциальное звучание текста. Авторское сопряжение образа лебедя с контекстом смерти соотносится с античной мифологией.

В стихотворении А. Подгорновой «Ласточки в небе устроили демонстрацию» героиня наблюдает за беспорядочными движениями птиц, испытывает ощущение полёта, скорости, лёгкости, которые сменяются чем-то «грозным», «не праздничным». «голодным», крылья птиц напоминают ей «острые шашки», «гонимые озорным ветерком облака», предстают с отрубленными головами, в воздухе она чувствует «запах гвоздик», птичий гвалт перерастает в «пронзительно-устрашающий крик». В сознании героини возникают ассоциации с историческим прошлым страны: «Вижу я, как разбрасает карточным / Выстрелом / Тех, чьим единственным выходом было – / Выстоять, / Тех, кто шаггал среди загнанных и / Отринутых, / Тех, чью судьбу на себя примерять / Не принято» [15, 24]. В произведении положительно заряженный образ ласточки как символа благой вести, пробуждения природы претерпевает трансформацию в соответствии с постмодернистской концепцией поэта, её восприятием действительности как хаоса, трагедии, безнадёжности, что передаётся посредством апокалиптических выражений: «от мира тянет пожарищем», «мир обрастает минами», «всё, что нас слепит, рассыплется чёрным крошечком» [15, 24].

В мордовском фольклоре образ жаворонка выступает традиционным знаком весны, получает положительную коннотацию, встречается в календарно-обрядовой поэзии (песнях весеннего цикла, ритуале встречи весны). В стихотворении Т. Мокшановой «Норовжорч» («Жаворонок») семантическая структура образа расширяется метафизическими размышлениями о смысле бытия, глубине человеческих интенций и состояний, потребности в нравственном совершенствовании. Сожаление героини о невозможности летать как птица («Норовжорч, ливтявлинъ мельгат – / Сёлмон тонь кондят

арастъ») ‘Жаворонок, полетела бы за тобой – / Крыльев у меня нет’) сменяется гордым вызовом («Кадык модась монь а нолды, / Ялатеке васов тердть!») ‘Пусть земля меня не отпускает, / Все равно в даль зови’ [11, 137]).

Постмодернистское мироощущение прослеживается и в стихотворении А. Подгорновой «Мистический», героиня которого воспринимает действительность в негативных проявлениях («Чёрной кожей небо перетянута, / Мир, как хищник, прячется во тьме» [15, 34]), в «бесхитростной песенке» соловья-оракула она слышит предсказания о будущем, в которых ощущаются неопределённость («То ли призывает он повеситься, / То ли за бессилие бранит» [15, 34]), трагическая безысходность («Но чего, чего он добивается? / Чтобы в петлю или чтобы в бой?» [15, 34]). Данная интерпретация противоречит архетипическому представлению о соловье, как символе вдохновения, душевной гармонии, но способствует экспликации раздираемого противоречиями социального контекста рубежа XX–XXI вв. Прерывание «оракульской агонии» соловья «презрительным “Ку-ку”» усугубляет апокалиптическое восприятие героиней современной действительности.

В стихотворении А. Подгорновой «Воробей» прослеживаются элементы басни (ироничный смысл, мораль), а сам персонаж вызывает ассоциации с известной басенной вороной. Беззаботный воробей «обронил перо скорбей», не заметил этого факта и продолжил «зёрна радости клевать», однако ему пришлось «поскорбеть», вследствие чего в его жизни «наступила пустота». Эксплицированное в финальных строках «Мораль приближена к мольбе: / Храните перья при себе!» [13, 68] содержит иронично-нравоучительный подтекст.

В стихотворении М. Слугиной «Тиринь ёнкс» («Родной край») [17, 98] образы «продолжающего авторскую песню соловья», «звенящего в воздухе жаворонка», «охотящейся за мышами совы» позволяют раскрыть гармонию природной среды, в авторском сознании противопоставляемой «злому городу Содому» с его «каменными домами» и «воняющими машинами». Одна из ключевых в поэтической концепции автора оппозиция природа / город содержит оценочную семантику: город демонизируется, предстаёт местом похоти, разврата, отражает нравственный диссонанс в социуме,

естественная среда сакрализуется, воспринимается родственным пространством.

Среди инсектных образов в женской лирике поэтизированы занимающие в аксиологической иерархии высокую степень эстетической модальности насекомые: бабочка, пчела, муравей. В стихотворении А. Подгорновой «Бабочки» насекомые поражают лирическую героиню своей хрупкостью, изяществом («изумительные изваянья»), беззащитностью («посапываете в сопелочки текст весеннего покаянья»), уникальностью («их крыльями сотканная траектория») [14, 130]. Высокопарные выражения сменяются предметно-бытовым сравнением: «Ваши крылья, как пара тапочек, / На пороге весны застряли» [14, 130]. Для идиостиля поэта не характерна созерцательная архитекtonика, поэтому в авторской мирореальности природные образы никогда не играют роль только приёмов эстетической визуализации, они растворяются в глубоких онтологических размышлениях. В анализируемом стихотворении акцентирована первая строка «Откуда вернулись вы, сонные бабочки?» [14, 130], которая побуждает читателя задуматься об истоках, формах бытия на земле. Насекомые становятся универсальным средством образного отражения постмодернистского мироощущения поэтессы, поскольку интегрируют в себе хаотичность, хрупкость, нестабильность современного миропорядка.

Обсуждение и заключение

Проведённый анализ поэтических текстов позволяет говорить о том, что в эрзянской женской лирике репрезентированы разнообразные флористические и фаунистические образы, отражающие национальный и мировой фольклорно-мифологический опыт, при этом получающие индивидуально-авторскую семантизацию, символично-метафорическую кодировку. Природные образы коррелируют с эмоционально-психологическим состоянием лирического «я», моделируют хронотопическую структуру текста, способствуют художественной актуализации проблем современной действительности, подводят к осмыслению сложных вопросов онтологического, экзистенциального, аксиологического содержания.

Среди устойчивых флористических образов выделяем деревья, восходящие к эрзян-

ской фольклорно-мифологической традиции (берёза, яблоня, сосна, липа, рябина, черёмуха и др.), что позволяет воспринимать их этнопоэтическими константами. Их лирическая визуализация свидетельствует о сопряжении творческой концепции поэтов с архетипическими структурами, традиционной культурной средой эрзян. Индивидуально-авторская семантизация деревьев достаточно широкая – от уникального экзистенциально-психологического состояния лирической героини до глобальных экологических проблем. Цветы в поэтическом восприятии авторов-женщин не конкретизируются, это обобщённый образ цветка (букета, венка), он обретает символично-экзистенциальную знаковую (ассоциируется с женским счастьем, судьбой, отражает ощущение тревоги, тоски, подводит к размышлениям о жизненных ценностях, бренности человеческого существования на земле), мифологическую семантику (создаёт мистический фон взаимосвязи мира живых и мёртвых).

Образы животных, птиц, насекомых в контексте индивидуально-творческого восприятия становятся имплицитным сегментом текста, придают поэтическому высказыванию глубокий онтологический, экзистенциальный смысл, раскрывают соотносённость авторской идеи с национальной мифологической картиной мира, а также с сюжетами мировой культуры. Анималистические образы (лошади, тигра, собаки) обретают яркую визуальную и характерологическую реализацию, имеют чёткую оценочную коннотацию, воплощают высокие и низменные человеческие качества. В поэтических образцах эрзянских поэтов образы птиц включены в различные семантические контексты, сохраняют традиционную символическую кодировку (лебедь, соловей) или претерпевают трансформацию в соответствии с мировоззренческой концепцией автора (ласточка, воробей), подводят к экспрессивным манифестациям, глубоким философским обобщениям. В проанализированных текстах наблюдаем расширение семантического кода наделённых высокими коннотациями насекомых, приращение их бинарными символическими оппозициями: гармоничность и естественность миропорядка / хаотичность и противоречивость современности.

Список источников и литературы

1. Арзамазов А. А. Эволюция образной системы и лингвосемантические трансформации в удмуртской поэзии второй половины 1970-х – начала 2010-х годов: дис. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2016. 567 с.
2. Афанасьев А. Н. Мифология Древней Руси. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Эксмо, 2006. 608 с.
3. Богач Д. А. Проблемы понимания образа природы в литературоведческой науке // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2017. № 6 (402). Вып. 106. С. 22–29.
4. Ваганова Е. Н., Рогачев В. И. Мифопоэтика растительного кода в традиционной культуре мордовского народа // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16. № 1. С. 57–71.
5. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М.: Академия, 1998. 429 с.
6. Гудкова С. П. Жанрово-стилевые особенности поэзии И. Г. Осмухина // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 1 (52). С. 43–52.
7. Девяткина Т. П. Мифология мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006. 332 с.
8. Ельцова Е. В. Пути развития коми поэзии второй половины XX – первой четверти XXI вв. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 3. С. 446–456.
9. Косинцева Е. В. Символика цветов в хантыйской лирике // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 653–662.
10. Косинцева Е. В. Тема любви в лирике М. И. Новьихова // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 3. С. 472–478.
11. Мокшанова Т. Оймамо тарка (Пристанище). Саранск: [б. и.], 2022. 152 с.
12. Пантелеева В. Г. Удмуртская поэзия рубежа XX–XXI вв.: жанрово-стилевые и образные модификации // Studia Litterarum. 2019. Т. 4. № 1. С. 286–309.
13. Подгорнова А. Кроме рифм. Саранск [б. и.], 2016. 144 с.
14. Подгорнова А. Марямга (Вслух). Саранск [б. и.], 2013. 160 с.
15. Подгорнова А. Мель (Мысль). Саранск: Красный Октябрь, 2021. 112 с.
16. Рябова Л. Кие тон? (Кто ты?). Саранск: [б. и.], 2017. 128 с.
17. Слугина М. Тюст (Оттенки). Саранск: [б. и.], 2021. 168 с.
18. Сычев А. А. Культ леса в системе экологических верований мордвы // Финно-угорский мир. 2015. № 4 (25). С. 76–83.
19. Сязи В. Л. Образы животных в прозе Е. Д. Айпина // Вестник угроведения. 2016. № 2 (25). С. 65–75.
20. Цзин Цзинши. Орнитологические образы в поэзии Арсения Тарковского: истоки и художественная семантика: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2021. 173 с.
21. Шарафадина К. И. «Язык цветов» в русской поэзии и литературном обиходе первой половины XIX века: источники, семантика, формы: дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2004. 431 с.
22. Шеянова С. В., Юсупова Н. М., Габидуллина Ф. И. Специфика поэтической системы А. Подгорновой (сборник «Мель» («Мысль»)) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 1. С. 123–132.
23. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.
24. Abuhammam Emad A. The Images of Nature in Wordsworth's and Al-Bohtory's Poetry: A Comparative Study of Selected Poems // Theory and Practice in Language Studies. 2021. Vol. 11. № 11. Pp. 1384–1395.
25. Begüm Tuğlu. From Culturazing Nature to Naturalizing Culture: The Differing Function of Animal Imagery in Defining Bodies from Homer's Odysseus to Margaret Atwood's The Penelopiad // European Journal of Social Sciences Education and Research. 2016. Vol. 3. № 2. Pp. 15–20.
26. Hu W. Development of Forest Imagery in English Poems // Proceedings of the 2nd International Conference on Education, Language and Art (Iceland, Nov. 25–27, 2022). Amsterdam: Atlantis Press., 2023. Pp. 295–302.
27. John N. Hough. Bird Imagery in Roman Poetry // The Classical Journal. 1974. Vol. 70. № 1. Pp. 1–13.
28. Roweena B. D. The Role of Birds in English Literature and Poetry // International Journal of Science and Research. 2016. Vol. 5. № 4. Pp. 1014–1015.

References

1. Arzamazov A. A. *Jevoljucija obraznoj sistemy i lingvosemanticheskie transformacii v udmurtskoj poeziji vtoroj poloviny 1970-h – nachala 2010-h godov* [Evolution of the imagery system and linguistic-semantic transformations in Udmurt poetry of the second half of the 1970s – early 2010s]. Izhevsk, 2016. 567 p. (In Russian)
2. Afanasjev A. N. *Mifologija Drevnej Rusi. Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu* [Mythology of Ancient Rus. Poetic views of the Slavs on nature]. Moscow: Jeksmo Publ., 2006. 608 p. (In Russian)
3. Bogach D. A. *Problemy ponimaniya obraza prirody v literaturovedcheskoj nauke* [Problems of understanding the image of nature in literary science]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philological Sciences], 2017, no. 106 (6/402), pp. 22–29. (In Russian)
4. Vaganova E. N., Rogachev V. I. *Mifopojetika rastitel'nogo koda v tradicionnoj kul'ture mordovskogo naroda* [Mythopoeitics of the plant code in the traditional culture of the Mordovian people]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2022, no. 16 (1), pp. 57–71. (In Russian)
5. Gachev G. D. *Nacional'nye obrazy mira* [National images of the world]. Moscow: Akademija Publ., 1998. 432 p. (In Russian)
6. Gudkova S. P. *Zhanrovo-stilevyje osobennosti poeziji I. G. Os'muhina* [Genre and stylistic peculiarities of I. G. Osmukhin's poetry]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (1/52), pp. 43–52. (In Russian)

7. Devyatkina T. P. *Mifologija mordvy* [Mythology of the Mordovian people]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 2006. 332 p. (In Russian)
8. Eltsova E. V. *Puti razvitiya komi poezii vtoroj poloviny XX – pervoj chetverti XXI vv.* [Ways of development of Komi poetry in the second half of the XX – first quarter of the XXI centuries]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2021, no. 15 (3), pp. 446–456. (In Russian)
9. Kosintseva E. V. *Simvolika cvetov v hantyjskoj lirike* [Symbolism of flowers in Khanty lyrics]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (4), pp. 653–662. (In Russian)
10. Kosintseva E. V. *Tema ljubvi v lirike M. I. Nov'juhova* [The theme of love in the lyrics of M. I. Novjuchov]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (3), pp. 472–478. (In Russian)
11. Mokshanova T. *Pristanishhe* [The Shelter]. Saransk: [w/p], 2022. 152 p. (In Erzya)
12. Panteleeva V. G. *Udmurtskaja poezija rubezha XX–XXI vv.: zhanrovo-stilevye i obraznye modifikacii* [Udmurt poetry at the turn of the XX–XXI centuries: genre, stylistic and imagery modifications]. *Studia Litterarum* [Studia Litterarum], 2019, no. 4 (1), pp. 286–309. (In Russian)
13. Podgornova A. *Krome rifm* [Except for the Rhymes]. Saransk: [w/p], 2016. 144 p. (In Russian, Erzya)
14. Podgornova A. *Vsluh* [Aloud]. Saransk: [w/p], 2013. 160 p. (In Russian, Erzya)
15. Podgornova A. *Mysl'* [The Thought]. Saransk: “Krasnyj Oktjabr” Publ., 2021. 112 p. (In Russian, Erzya)
16. Ryabova L. *Kto ty?* [Who are you?]. Saransk: [w/p], 2017. 128 p. (In Erzya)
17. Slugina M. *Ottenki* [The Shades]. Saransk: [w/p], 2021. 168 p. (In Erzya)
18. Sychev A. A. *Kul't lesa v sisteme jekologicheskikh verovanij mordvy* [Cult of the forest in the system of ecological beliefs of the Mordovian people]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2015, no. 4 (25), pp. 76–83. (In Russian)
19. Syazi V. L. *Obrazy zhivotnyh v proze E. D. Ajpina* [Images of animals in prose of E. D. Aypin]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 2 (25), pp. 65–75. (In Russian)
20. Czin Czinshi. *Ornitologicheskie obrazy v poezii Arsenija Tarkovskogo: istoki i hudozhestvennaja semantika* [Ornithological images in the poetry of Arseniy Tarkovsky: origins and artistic semantics]. Volgograd, 2021. 173 p. (In Russian)
21. Sharafadina K. I. *“Jazyk cvetov” v russkoj poezii i literaturnom obihode pervoj poloviny XIX veka: istochniki, semantika, formy* [“Language of flowers” in Russian poetry and literary practice in the first half of the XIX century: sources, semantics, forms]. Saint-Petersburg, 2004. 431 p. (In Russian)
22. Sheyanova S. V., Yusupova N. M., *Gabidullina F. I. Specifika poeticheskoy sistemy A. Podgornovoj (sbornik “Mysl’”)* [Specifics of the poetic system of Alina Podgornova (collection «Mel» («The Thought»)]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (1), pp. 123–132. (In Russian)
23. Epstein M. N. *Priroda, mir, tajnik vselennoj: sistema pejzazhnyh obrazov v russkoj poezii* [Nature, world, secret of the Universe: system of landscape images in Russian poetry]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1990. 303 p. (In Russian)
24. Abuhammam Emad A. *The Images of Nature in Wordsworth's and Al-Bohtory's Poetry: A Comparative Study of Selected Poems. Theory and Practice in Language Studies*, 2021, no. 11 (11), pp. 1384–1395. (In English)
25. Begüm Tuğlu. *From Culturazing Nature to Naturalizing Culture: The Differing Function of Animal Imagery in Defining Bodies from Homer's Odysseus to Margaret Atwood's The Penelopiad. European Journal of Social Sciences Education and Research*, 2016, no. 3 (2), pp. 15–20. (In English)
26. Hu W. *Development of Forest Imagery in English Poems. Proceedings of the 2nd International Conference on Education, Language and Art (Nov. 25–27, Iceland, 2022)*. Amsterdam: Atlantis Press, 2023. Pp. 295–302. (In English)
27. John N. Hough. *Bird Imagery in Roman Poetry. The Classical Journal*, 1974, no. 70 (1), pp. 1–13. (In English)
28. Roweena B. D. *The Role of Birds in English Literature and Poetry. International Journal of Science and Research*, 2016, no. 5 (4), pp. 1014–1015. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шеянова Светлана Васильевна, профессор кафедры финно-угорской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410

ABOUT THE AUTHOR

Sheyanova Svetlana Vasilyevna, Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410